

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 94 (3)

Осокина С.А.¹

**ОППОЗИЦИЯ В АРМИИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО:
УБИЙСТВО КЛИТА В МАРАКАНДАХ (328 Г. ДО Н.Э.)**

Санкт-Петербургский государственный университет

Osokina S.A.

**THE OPPOSITION IN THE ARMY OF ALEXANDER THE GREAT:
THE MURDER OF CLEITUS IN MARACANDA (328 BC)**

Saint Petersburg University

Реферат: *Восточная политика Александра Великого, осуществляемая после покорения Персидской державы Ахеменидов, встретила неприятие со стороны македонян. Это нашло свое отражение в виде оппозиционных выступлений. Один из таких конфликтов произошел на пиру в Маракандах в 328 г. до н.э. и был связан с выступлением царского приближенного Клиты, который был убит Александром. Автор статьи считает, что Клит резко осуждал обожествление и восточную политику македонского царя, что и открылось под воздействием чрезмерного употребления на пиру алкоголя. По-видимому, этот инцидент был случайным. Однако он показал, что внутри македонского лагеря существовал раскол вследствие восточной политики царя.*

Ключевые слова: *Александр Великий, македонская оппозиция, Клит, Мараканды, восточная политика*

Abstract: *The eastern politics of Alexander the Great, implement after the conquest of the Persian Empire by the Achaemenids, was met with rejection by the Macedonians. This was expressed in opposition. One such conflict happened at a banquet in Maracanda in 328 BC and it was the speech of the royal close Cleitus, who was killed by Alexander. The author of this article believes that Cleitus stark criticized the deification and the eastern politics of the Macedonian king, it was revealed under the impact of excessive drinking of alcohol on a banquet. Apparently, this incident happened by accident. However he showed that in the Macedonian camp there was a split because of the king's eastern politics.*

Keywords: *Alexander the Great, Macedonian opposition, Cleitus, Maracanda, eastern politics*

¹ **Осокина Светлана Александровна** – студентка института истории Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: st064975@student.spbu.ru

Весной 328 г. до н.э. македонская армия Александра Великого оказалась в области Бактрия. Преодолев сопротивление со стороны представителей местной знати, македонский царь занялся комплектованием своего конского состава и далее направился в Мараканды, столицу Согдианы. Известно, что после битвы при Гавгамелах Александра активно стал проводить в жизнь мероприятия, связанные с его так называемой восточной политикой. Приобщаясь к местным традициям и обычаям, македонский царь встретил острое сопротивление со стороны приближенных. Как следствие, это привело к возникновению оппозиции в лагере и ранее, в 330 г. до н.э., выразилось в заговоре Димна против Александра. Конфликт Александра и Клита на пиру в Маракандах стал дальнейшим развитием противоречий в отношениях между Александром и приближенными.

О Клите известно сравнительно немного. Для характеристики этого юноши несомненно важным является просопографический труд Г. Берве [3, с. 206]. Клит был сыном Дропида, имел прозвище «Черный» (Arr. Anab., I, 15, 8; III, 27, 7). Его близость к царю объяснялась тем, что прежде всего он являлся братом Ланики, кормилицы Александра. Мы не имеем полных сведений относи-

тельно его происхождения, места рождения и ранней деятельности [11, р. 226; 9, р. 86]. Клит служил еще при Филиппе II, но в качестве кого — неизвестно. Важно, что он принадлежал к поколению полководцев Филиппа и был старше молодого царя. Впоследствии он смог стать одним из преданных Александру друзей. Клит сражался на правом фланге в битве при Гранике рядом с царем. Он спас Александру жизнь в этой битве: отрубил противнику Спифридату руку, занесенную над царем (Arr. Anab., I, 15, 8; ср. Curt., VIII, 1, 20-21). Далее Клит участвовал в сражении при Иссе, а в битве при Гавгамелах командовал царской илой гетайров (Curt., IV, 13, 26; Arr. Anab., III, 11, 8). После устранения Филоты в 330 г. до н.э. он принял командование над конницей гетайров вместе с Гефестионом (Arr. Anab., III, 27, 4). Это продвижение означало, что Клит получил значительное влияние в македонской армии. Тогда как Гефестион участвовал в разборе дела Филоты и Пармениона, Клит же не был упомянут в этих событиях. Возможно, это назначение должно было успокоить старوماкедонскую знать после гибели полководцев [5, р. 142]. Отметим, что в источниках отсутствуют сведения, что во время судебного процесса относительно вины Филоты

Клит осуждал действия Александра. Реакция с его стороны не происходила. Какую роль он играл в сражениях последующего времени, неясно, так как он больше не упоминается античными авторами при описании военных действий. Известно, что Клит должен был сменить отправленного в отставку Артабаза, бывшего сатрапом Бактрии (Curt., VIII, 1, 19; ср. Arr. Anab., IV, 17, 3). Таким образом, можно заключить, что Клит входил в тесный круг приближенных царя. Также у нас нет оснований полагать, что до этого рокового события произошел какой-либо разлад в отношениях царя и его старшего товарища.

Итак, события происходят летом 328 г. до н.э. в Маракандах, где находилась македонская армия. Описания вспыхнувшего инцидента у рассматриваемых нами античных авторов, Арриана и Плутарха, так или иначе совпадают (Plut. Alex., 50-51; Arr. Anab., IV, 8). Отметим, что большинство исследователей предпочитают версию Плутарха, чей рассказ был основан на сведениях Хареса из Митилены, управляющего царским двором [6, р. 139]. Считается, что у Плутарха отсутствует предвзятое отношение к Александру, а также имеется ряд важных деталей, отличающих его историю от других авторов. Но все же главной для нас

будет версия, приводимая Аррианом, хоть и не лишенная апологетики [4, р. 52]. Автор основывался главным образом на сведениях Птолемея и Аристобула. Курций выдвигает свою версию, отличную от версий вышеупомянутых авторов (VIII, 19-52). Схожая с Курцием версия содержится и в описании Юстина (XI, 6, 1-3). Всего мы имеем три версии о выступлении Клита.

С наступлением праздника Диониса был устроен пир, который Александр разделял со своими приближенными. Арриан говорит, что ежегодно царь приносил жертву Дионису, но в этот раз он посвятил ее Диоскурам. Арриан отмечает, что пренебрежение жертвами стало вызовом божественного гнева. Но ни Арриан, ни Плутарх не дают объяснения принесения жертв Диоскурам. Пожалуй, это единственный случай поклонения им, потому что, как известно, их культ не был популярен в Македонии [4, р. 53]. Также античный автор отмечает, что у царя появилась склонность к варварским обычаям, в частности, пировать по-новому (Arr. Anab., IV, 8, 1-2). Арриан порицает здесь изменения, связанные с отходом от привычного пирования и переходом к варварскому обычаю, выраженное в чрезмерном употреблении алкоголя, хотя такое пирование было характерно и

для македонского двора [4, р. 53-54]. На празднике речь зашла о Диоскурах и их деяниях. Лстецы заявляли, что нельзя сравнивать Александра с Полидевком и Кастором; подвиги Александра также превозносились выше самого Геракла (Агг. Anab., IV, 8, 3). Речь лстецов сводилась к тому, что достижения Александра обосновывали его божественность [4, р. 55]. Так, Арриан отмечает, что лстецы Александра в данном случае были более виновны, чем сам царь. Отметим, что в других сообщениях, рассказывающих о ссоре Александра и Клита, Диоскуры не фигурируют (у Курция сравнение Александра с Диоскурами будет проходить во время другого пира, связанного с проскинесисом).

Здесь и выступил против Александра Клит. По рассказу Арриана, он уже давно огорчался возраставшей склонностью Александра к чужеземным обычаям. Услышав подобные речи на пиру, он, к тому же разгоряченный вином, не смог сдержаться. Клит заявил, что не позволит принижать дела древних героев и возвеличивать славу Александра подобным образом (IV, 8, 4). К этому добавил, что великие заслуги главным образом принадлежали македонянам. Сам античный автор порицает Клита за дерзкую речь, полагая,

что ему следовало бы сидеть молча и не вмешиваться в беседу (IV, 8, 5).

Согласно Плутарху, катализатором конфликта стала сатирическая песня Праниха или Пиерона, которую исполняли молодые воины на пиру. О самом поэте ничего неизвестно, очевидно, он был незначительным человеком [6, р. 141]. Она была написана с целью высмеять и показать позор полководцев, недавно разбитых Спитаменом (Plut. Alex., 50). Рассердившись, старые воины Филиппа стали бранить поэта, но Александр вместе с приближенными, как сообщает Плутарх, с удовольствием слушал это исполнение. Г. Берве подчеркивает, что суть спора была не только личной, но и политической, что не может быть отделено друг от друга [3, s. 207-208]. Далее выступил Клит, который считал неуместным высмеивание македонян в присутствии варваров.

Затем угождавшие царю люди продолжали накаливать ситуацию. Как сообщает Арриан, они стали называть заслуги Филиппа ничтожными и не заслуживающими внимания по сравнению с деяниями Александра (IV, 8, 6). Интересно, что Александр никак не отреагировал на подобные реплики, касающиеся его собственного отца. Тогда как Клит, находящийся в крайнем раздражении, начал оскорблять царя, а кроме

этого, припомнил ему спасение в битве при Гранике: «Эта самая трусость спасла тебя, сына богов, когда ты убегал от Спифрадатова меча. Македонцы своей кровью и ранами подняли тебя так высоко, что ты выдаешь себя за сына Аммона и отрекаешься от отца Филиппа» (Plut. Alex., 50; ср. Arr. Anab., IV, 8, 7).

В ответ царь вскочил в гневе, но товарищи смогли его удержать. Клит не мог остановиться и продолжал говорить открыто: пожелал Александру оставаться вместе с варварами и рабами, и пусть они падают перед ним ниц. Александр был не в силах терпеть дальше такие дерзости Клита. Презрение со стороны Клита достигло своего максимума, отчего вполне понятно озлобление Александра. Бросив в него яблоко, царь стал искать меч у своих телохранителей (Plut. Alex., 51). Тут приближенные удержали Клита и с трудом вывели его из комнаты. Арриан единственный из источников упоминает Птолемея Лага, который вмешался в ситуацию (IV, 8, 9). Однако Клит не смог усидеть и вновь возвратился через другой вход. Плутарх отмечает, что Клит привел здесь строчки из трагедии Еврипида «Андромаха»: «...как ложен суд толпы!» (Plut. Alex., 51). Нет причин сомневаться, что Клит действительно мог произнести эти стихи [6, р.

144]. Замеченный Александром, он был поражен сариссой, которую царь отнял у кого-то из копьеносцев. Арриан говорит, что царь схватил копье у одного из телохранителей или сариссу у кого-то из стражей (IV, 8, 8). Сам Арриан, говоря о своем источнике Аристобуле, заявляет, что у него не содержатся сведения о причинах выступления Клита, при этом, как замечает Арриан, Аристул возлагает полностью вину на юношу (IV, 8, 9).

Таким образом, в изложении Арриана Клит выступает один против Александра и близкого к нему круга льстецов, защищая деяния македонян и Филиппа II. Арриан винит Клита за дерзкое поведение, а Александра античный автор склонен оправдывать, ведь он, по его мнению, оказался лишь во власти пороков – гнева и пьянства (IV, 9, 1). Как говорилось ранее, традиция Арриана, идущая от Аристобула, носит апологетический характер, отсюда, можно заметить явную защиту с его стороны македонского царя. Вероятно, в таком случае автор намеренно избегает действия Александра, имевших негативное и отрицательное значение. Плутарх также защищает царя, считая, что это был несчастный случай, ведь Клитом управляли гнев и опьянение (Alex., 50). Опираясь на традицию Арриана

и Плутарха, выходит, что Александр в этой ситуации был способен удерживать свой гнев, но Клит не остановился, и тем самым сам обрек себя на гибель.

Конфликт Александра и Клита довольно ярко передан в изложении Курция (VIII, 1, 22-52). Заметим, что его традиция носит враждебный характер в отношении Александра. По его рассказу, на пиру уже сам царь стал неумеренно говорить о своих делах. То же подтверждает и Юстин, говоря, что Александр ставил свои деяния выше отца Филиппа (XI, 6, 1-2). По Юстину, настоящий царь испытывал зависть к своему отцу, что и проявилось, когда он был пьян [12, р. 223]. Александр рассуждал о победе в битве при Херонее, о войне с иллирийцами, считая военные успехи исключительно своими, достигнутые без участия своего отца (Curt., VIII, 1, 23-26). Автор отмечает, что молодым воинам были вполне приятны эти речи в отличие от более старых офицеров, служивших еще под командованием Филиппа (VIII, 1, 27). Тогда выступил Клит. Уже достаточно опьяневший, он решил прочесть присутствующим строки из Еврипидовой «Андромахи». Суть данных стихов сводилась к тому, что цари присваивают себе славу, добытую усилиями других воинов, полученную чужой кровью. Александр

посчитал эти слова обращенными к себе (VIII, 1, 28-29). Все пировавшие молчали, пока Клит вдобавок к сказанному не начал вспоминать дела Филиппа и его славные подвиги, ставя все это выше деяний Александра (VIII, 1, 30). Клит хорошо знал достижения Филиппа в объединении Македонии и закладывании основ будущей империи [11, р. 226]. Таким образом, Клит выступил как защитник чести и дел Филиппа.

Согласно Курцию, далее началась ссора между молодыми македонянами и представителями старшего поколения. Клит никак не успокаивался, он осмелился и дальше вести дерзкие речи: встал на защиту не только заслуг Филиппа, македонян, но и упомянул о славе Пармениона с Филотой (VIII, 1, 33-38). Курций отмечает, что ни одна из дерзких фраз Клита не оскорбила царя так, как похвала Пармениону. Однако Александр лишь приказал Клиту удалиться с торжества. Но тот медлил покидать пир, тогда его попытались вывести силой. Выходя, он продолжал кричать: припомнил Александру, как защитил его в войне, стал укорять за убийство Атала и насмехаться над божественным происхождением (VIII, 1, 41-42). Отметим, что у Курция, как и у Плутарха, Клит обращается к высмеиванию связи Александра с бо-

гом Аммоном [6, р. 142]. Тут македонский царь не смог совладать с собой. Взбешенный, он выхватил копье из рук оруженосца, чтобы поразить им Клита. Но Курций сообщает, что Птолемей и Пердикка удержали царя, а Лисимах и Леоннат отняли у Александра копье (VIII, 1, 45-46). Приближенные умоляли его остановиться, но царь, находясь в гневе, выхватил копье часового и все-таки пронзил Клита. Он воскликнул при этом: «Отправляйся теперь к Филиппу, Пармениону и Атталу» (Curt., VIII, 1, 52).

Итак, из рассказа Курция можно заключить, что автор видит в произошедшем лишь вспышку гнева и вину царя, начиная с восхваления себя и заканчивая безжалостным убийством Клита (VIII, 2, 1-2). Последний выступает здесь не только как защитник чести македонских воинов, но и как борец против несправедливых расправ с приближенными. Юстин же видит в Клите защитника памяти Филиппа (XI, 6, 3).

За что же Клит поплатился собственной жизнью? Его выступление не было открытым протестом против восточной политики Александра, в отличие от того, как это было ранее в так называемом заговоре Димна. Однако это не позволяет отрицать, что Клит имел скрытое недовольство в отношении нового восточного кур-

са Александра. На это нам указывает в своем рассказе Арриан. Обожествление Александра также высмеивается Клитом в традициях Курция и Плутарха. Из всех вышеописанных свидетельств можно заключить, что Клит встал на защиту униженных на пиру македонян, о которых в ходе самой процессии зашел разговор. Произошло оскорбление македонян в противовес покоренным персам, хоть и не до конца понятно, с чьей стороны – молодых воинов или самого Александра. Весьма странно, что македонский царь позволил такие вольности по отношению к своим же солдатам, вспомнив при этом и о роли своего отца. Здесь нужно отметить фактор действия вина, которое употребляли все присутствующие на пиру. По всей видимости, именно под действием алкоголя были легко допущены подобные дерзкие высказывания о македонянах. Этим и объясняется снисходительность Александра к их высмеиванию. Кроме того, Клит затронул и личное: разгоряченный вином он припомнил царю спасение при Гранике. Таким образом, Клит определенно выступил против возвеличивания личности Александра и приписывания ему одному достигнутых военных заслуг, тогда как неприятие им восточной политики Александра следует отнести к второсте-

пенным причинам выступления Клита. Несомненно, все факторы важно учитывать в данных событиях, это недовольство открылось под действием употребления вина.

О дальнейшем поведении царя после того, когда Клит был убит, источники передают следующее. Опомнившись, Александр очень раскаивался в содеянном – об этом единогласно говорят все авторы. Авторы предлагают две версии. По одной, царь хотел лишь себя жизни той же сариссой, которой был заколот Клит (Plut. Alex., 51; Curt., VIII, 2, 4; Just., XI, 6, 5-8). По другой версии, он удалился в свои покои и бурно переживал смерть своего приближенного, называя себя «убийцей друзей» (Arr. Anab., IV, 9, 2-3). Три дня Александр не выходил из своей палатки, оплакивая своего друга и призывая Ланику. Возможно, желание умереть сохранялось у него и в эти дни. Как передает Курций, царя больше беспокоило то, что все его близкие друзья были в ужасе от увиденного и теперь, должно быть, будут бояться к нему обращаться (VIII, 2, 7). Юстин также говорит о тревоге Александра. Совершив убийство, он боялся, что породил страх и ненависть своих товарищей, осуждение со стороны войска и покоренных им народов (XI, 6, 12). Нет оснований сомневаться в том, что Александр

испытывал искреннее раскаяние [9, р. 87; 12, р. 226]. Вполне возможно, что Александр мог вспомнить здесь о своих прежних сподвижниках – Парменионе и Филоте, двоюродном брате Аминте и братьях Аттале, Еврилохе и Павсании, чьи имена называет Юстин (XI, 6, 14). Авторы передают, что некоторое время Александр мучился и отказывался от еды, и лишь уговорами приближенных его удалось успокоить (Curt., VIII, 2, 10-12; Arr. Anab., IV, 9, 4; Just., XI, 6, 15). Юстин сообщает, что все войско упросило царя не огорчаться до такой степени смертью одного человека (XI, 6, 15-16). По Курцию, македоняне даже вынесли постановление о законном убийстве Клита и собирались было лишить его погребения, но сам царь приказал похоронить Клита (VIII, 2, 12). То горе, которое царь испытал после совершения убийства, упоминаемое всеми нашими источниками, говорит о том, что Александр очень дорожил своим приближенным [1, С. 70].

Здесь же на помощь пришли прорицатели и вспомнили о Дионисе, которому своевременно не принесли жертвы, чем и вызвали его гнев. Отсюда – инцидент произошел по вине божества, а не по вине царя (Arr. Anab., IV, 9, 5; ср. Curt., VIII, 2, 6). По-видимому, эта версия идет от Птолемея. Конечно, Александр нуж-

дался в том, чтобы перенести с себя ответственность за убийство Клита на богов, что и было сделано жрецами. У Плутарха же упоминается прорицатель Аристандр, который напоминает Александру о его пророческом сне. Этим он подразумевал, что случившаяся смерть была давно предопределена судьбой (Plut. Alex., 52). Важно отметить, что Арриан не только оправдывает действия царя, но и восхваляет его за то, что он не отнесся к своему преступлению как к чему-то незначительному и не стал защищать себя, а сознался в своей горькой ошибке (Arr. Anab., IV, 9, 6).

Затем позвали философа-скептика Анаксарха из Абдеры, который смог утешить царя. Нет причин отклонять эту историю с Анаксархом [4, р. 66]. Он посоветовал Александру не предаваться чрезмерной скорби, так как все совершаемое им должно считаться справедливым (Arr. Anab., IV, 9, 7-8). «Ты побеждал, чтобы управлять и властвовать, а не быть рабом пустых мнений!», — говорил Анаксарх (Plut. Alex., 52). Плутарх и Арриан здесь следуют одному источнику. Очевидно, на царя особенно подействовали эти слова, ведь философ развил перед ним целую теорию, оправдывающую неограниченную власть царя, стоящую выше любого закона. Эта философия

весьма устраивала царя. Анаксарх провел это утешение, доказав Александру, что сын Бога не мог совершить ошибку и также не может испытывать угрызение совести [4, р. 68]. В конечном счете именно Анаксарх будет ответственен за следующий эпизод, связанный с проскинесисом. Юстин добавляет, что также философ Каллисфен, один из близких к царю людей, ученик Аристотеля, успокоил Александра в этой ситуации (Just., XI, 6, 16-17). Своими речами он помог царю забыть о горе. Александр вернулся к прежним делам. Ф. Шахермайр верно замечает, что даже после этого раскаяния Александр не прибегнул к каким-либо действиям, которые могли бы изменить его политику [2, С. 221]. Царь по-прежнему превозносил себя над другими и, более того, продолжал проводить мероприятия в рамках восточной политики.

Надо полагать, что убийство Клита являлось непредумышленным. На основе рассмотренных источников можно считать, что это стало результатом вспыльчивости. Клит, опьяненный, стал чересчур заносчивым и Александр, находящийся также под действием вина, не смог сдержать своей реакции, что и привело к такому печальному исходу [8, р. 102-103]. Однако нельзя отрицать того, что в своих резких вы-

сказываниях Клит затронул ту тему, которая тревожила в данное время большую часть македонян. Им, естественно, не нравилось нарастающее сближение царя с персами и отталкивание царем, таким образом, их самих. Уже упоминавшийся Ф. Шахермайр считает, что алкоголь только помог вскрыть старые противоречия, которые сложились еще под влиянием никем не забытого процесса Филоты [2, С. 216]. Ведь после его убийства в окружении царя находились люди, которые не принимали Александра за сына бога, и тем более их не удовлетворяла политика царя и его новый курс на сближение с Востоком. Те, кто не разделял всего этого, понимали, что надо молчать. Сложившаяся пропасть между Александром и македонянами как раз и нашла свое отражение в дерзких словах Клита. Однако его поведение на пиру не может быть истолковано как измена, ведь македонская практика позволяла гетайрам говорить с царем свободно [7, р. 222]. В его словах содержалась глубоко укоренившаяся и всепоглощающая враждебность, вера в то, что Александр отказался от своих македонских корней, что он потерял связь со своим народом и был слишком увлечен собственным успехом, связывая себя с божественным отцом, Аммоном, и опираясь на

поддержку придворных льстецов [10, р. 243]. Конечно, Клит, возможно, не должен был публично ругаться со своим царем, но оправдать его убийство нельзя. Александр ясно показал, что как только кто-то попытается его осудить, не будет никакого шанса на искупление [11, р. 227].

Таким образом, данный случай, произошедший на пиру в Маракандах, не представлял из себя организованного заговора против Александра, Клит не был откровенным представителем оппозиции. Он погиб по причине случайно возникшего личного конфликта с Александром, произошедшего на пиру в Маракандах. Этот случай показал, что существовал целый пласт противоречий между монархом и его приближенными. Характерно, что в первое время после убийства Клита не последовало осуждающей реакции со стороны македонян. По крайней мере, источники ничего об этом не сообщают. Тем не менее убийство Александром Клита оказало значительное воздействие на современников. Продолжение восточной политики и ее непонимание со стороны приближенных Александра давали поводы для существования оппозиции при дворе Александра, что вскоре выразилось в так называемом заговоре «пажей».

Список литературы:

1. Ковалев С. И. Александр и Клит // ВДИ. 1949, №3. С. 69-73.
2. Шахермайр Ф. Александр Македонский / Пер. с нем. М., 1984.
3. Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. II. München: Beck, 1926.
4. Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. II. Commentary on Books IV-V. Oxford, 1995.
5. Carney E.D. King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy. Swansea, 2015.
6. Hamilton J.R. Plutarch, Alexander. A Commentary. Oxford: Clarendon Press, 1969.
7. Heckel W. King and "Companions:" Observations on the Nature of Power in the Reign of Alexander // Brill's Companion to Alexander the Great / Ed. By J. Roisman. Leiden and Boston: Brill, 2003. P. 197-225.
8. Heckel W. The Conquests of Alexander the Great. Cambridge: University Press, 2008.
9. Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great: Prosopography of Alexander's Empire. Oxford, 2006.
10. Heckel W., Yardley J.C. Alexander the Great: Historical Sources in Translation. London, 2004.
11. Worthington I. By the Spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire. Oxford: University Press, 2014.
12. Yardley J.C. Justin. Epitome of The Philippic History of Pompeius Trogus. Vol. I. Books 11-12: Alexander the Great. Oxford, 1997.

References:

1. Kovalev S. I. Aleksandr i Klit // VDI. 1949, №3. S. 69-73.
2. Shakhermayr F. Aleksandr Makedonskiy / Per. s nem. M., 1984.
3. Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. II. München: Beck, 1926.
4. Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. II. Commentary on Books IV-V. Oxford, 1995.
5. Carney E.D. King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy. Swansea, 2015.
6. Hamilton J.R. Plutarch, Alexander. A Commentary. Oxford: Clarendon Press, 1969.
7. Heckel W. King and "Companions:" Observations on the Nature of Power in the Reign of Alexander // Brill's Companion to Alexander the Great / Ed. By J. Roisman. Leiden and Boston: Brill, 2003. P. 197-225.
8. Heckel W. The Conquests of Alexander the Great. Cambridge: University Press, 2008.
9. Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great: Prosopography of Alexander's Empire. Oxford, 2006.

10. Heckel W., Yardley J.C. Alexander the Great: Historical Sources in Translation. London, 2004.
11. Worthington I. By the Spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire. Oxford: University Press, 2014.
12. Yardley J.C. Justin. Epitome of The Philippic History of Pompeius Trogus. Vol. I. Books 11-12: Alexander the Great. Oxford, 1997.